

ТАТЬЯНА МИРОНОВА

доктор филологических наук

РУССКИЕ ИДЕАЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Что отличает народы друг от друга в физическом смысле, изучает антропология. Философы, историки, лингвисты, психологи задаются вопросом, что представляет собой дух народа и чем отличаются народы друг от друга духовно. Так что же входит в понятия “природный русак”, “истый англичанин”, “настоящий немец”, “истинный француз”? Характер, привычки, убеждения, обычаи и представления создают особенные свойства каждого народа, они зримы и ощутимы, причём эти особенные свойства задаются человеку его родным языком. Именно в языке на протяжении тысяч лет сохраняются архетипы этнического мышления и поведения, которые и отличают народы друг от друга. Именно язык предоставляет возможность обнаружить и раскрыть первообраз слова, и задан он как вечная ценность, которая множится в течение времени в новых и новых словах с тем же корнем.

Посмотрите, как развивается, плодоносит архетип мысли в слове **рука**. Изначально **рука** значит *хватаящая, держащая*. Затем это слово приобретает высокое значение – *властная сила*. Из этих двух значений проистекают – **руководить, поручаться** (брать под свою власть). Так **рука** превращается из понятия о физическом органе человека в символ власти и силы.

Не только мысль каждого народа направляется словом его родного языка, но и образ жизни народа, его видение мира и своей роли в нём зависят от слова. Но что самое важное – опасное! – это то, что ослабление народов тоже возможно через язык, когда человеку навязываются представления и обычаи, образ мысли и видение мира, отличающиеся от тех, что заданы его родным языком. Осознание национальных архетипов мышления и поведения психологи называют душевной гигиеной, укоренённостью человека в своём прошлом, наследственным свойством его природы. Душевная гигиена необходима сегодня русским, как никогда, ибо разум наш всячески пытаются замутить. Поскольку изменить архетипы мышления, сломать их практически невозможно, так как они даны нам в родном языке, в его корневом запасе, то их пытаются именно замутить. Человек с помутненным разумом – душевнобольной, – вот то состояние, к которому неуклонно ведут наш народ. Поэтому перед русским народом стоит задача: очистить от мути свои исконные представления – архетипы национального мышления или русский разум.

Архетипы русского мышления

Архетип подсознания – популярный сегодня в науке термин, и это не случайно. Человеческая цивилизация зашла в тупик, увлечшись идеями прогресса и борьбы с предрассудками, отвергая традицию и духовность. Человече-

ство заболело невиданными доселе болезнями: отказом от деторождения и создания семьи, эпидемией психических заболеваний, самоубийств, повальной одержимостью пороками, которые ведут личность и народ к самоуничтожению, вопреки инстинкту выживания, который свойствен всему живому. Превращение человечества в управляемую, безнациональную биомассу, в биороботов осуществляется методами нейролингвистического программирования (НЛП), то есть, как выражаются специалисты по НЛП, “переписыванием текстов человеческих душ”.

В поисках выхода из этого тупика современная философия, психология, социология обратились к изучению защитных механизмов сознания человека и обнаружили, что наше сознание исконно контролировалось подсознанием. В человеческом подсознании заложены инстинкты и рефлексy, заставляющие нас действовать разумно в соответствии с задачей продолжения рода, с целью выживания своего народа и с замыслом Творца о каждом отдельном человеке и о народах в целом.

В русском языке это противопоставление сознания и подсознания соответствует двум дополняющим друг друга понятиям – **ум** и **разум**. Ум – категория сознания, благое для человека свойство. Но ум не является для русских признаком исключительно хорошим, добрым, ведь недаром говорят “на ум взбрело”, “с умом жить – мучиться”, “от ума сходят с ума”, “с умом подумаем, а без ума сделаем”. Разум в представлении русских – безусловно положительное качество. Если ум может привести человека к беде, то разум – никогда. Недаром русские пословицы гласят: “ум без разума – беда”, “ум разумом крепок”, “разум не велит – ума не спрашивайся”, “ум разуму подспорье”, “ум за разум заходит” (это когда ум подавляет разум), “где ума не хватит, спроси разума”. Эти вековые начала народной мудрости свидетельствуют, что разум обитает не в человеческом мозгу, разум – это свойство души. А душа и есть кладёзь подсознательного.

Архетип подсознания или архетип мышления – термин, введённый Карлом Густавом Юнгом. Мы употребляем его в силу выразительности и точности формулировки: архетип, то есть “древнейший тип” – это исконно заложенная в человеческой душе модель и образец инстинктивного поведения под влиянием врождённых, по наследству передающихся импульсов. Психологи говорят, что архетипы мышления – это прамысли, праобразы мыслей. А мысль невозможна без слова, она неразрывна со словом, она облечена в слово. Значит, без языка действие архетипов мышления невозможно. Именно в языке следует искать и формы выражения таких архетипов для защиты от нейролингвистического программирования.

Мысль действительно облечена в слово, но и само слово несёт в себе мысль. Именно слово, являющееся выразителем исконно заложенной в него мысли, определяет образ мышления и поведения большинства человечества. Как это происходит? Психолог К. Г. Юнг говорил о подобных случаях, что мысли словно “всплывают” в голове человека. Однако “всплывание” мысли должно осуществляться из каких-то глубин. Психологи метафорически именуют их “глубинами подсознания”, “наследием жизни предков”, лингвисты же до сих пор спорят о языковых источниках “всплывания мыслей”.

На этот счёт существует несколько гипотез. Одна из них утверждает, что “элементарные мысли”, “прамысли” хранятся в корнях языка. Такова высказанная академиком Н. И. Толстым идея о выделении семантического ядра – исходного значения слова. Причём, как полагают лингвисты В. И. Абаев, О. Н. Трубачёв, Д. Н. Шмелёв, память об исконном значении корня слова хранится даже в словах, уже утративших всякую связь со своим корневым прародителем. Итак, исходные значения корней праязыка, а в нашем случае мы будем говорить о праиндоевропейском языке, из которого возрос праславянский язык – предок русского, – так вот, исконные смыслы слов праязыка существуют как генетически врождённое наследие предков, которое пусть и безотчётно, но надёжно сохраняется в глубинах подсознания человека.

Вот индоевропейский корень **nw-* несёт в себе “элементарную мысль”: он обозначает “нечто новое, неизвестное, непознанное”. Исконное значение этого корня установлено замечательным русским лингвистом Н. Д. Андреевым, это “обозначение перемены в окружающем мире”. Корень **nw-* существует во всех индоевропейских языках. В русском языке такой корень присутствует не только в прилагательном **новый** (ср. латинское *novus*, греческое

нео, английское new и т. д.), но ту же “элементарную мысль” о новом и неизвестном, о переменах и постоянном движении хранят в себе другие слова русского языка, в которых мы даже не подозреваем родства с прилагательным **новый**. Однако такое исконное родство в них присутствует: **но** – союз, вводящий новую информацию, грамматический знак перемен, **ныне** – “теперь”, буквально означает – “в новый день”, **ну** – утвердительная частица, требующая от собеседника получения новой информации, **ну** – команда, даваемая лошади ездоком, сигнал к началу путешествия, то есть получения новых впечатлений. Так что “элементарная мысль”, которая содержится в древнем корне *nw-, сохраняющемся во множестве слов русского языка, определяет действия человека на получение новых знаний, новых впечатлений, новых известий, нацеленность на ожидание перемен.

Сколько таких прамыслей было в древнейшем языке человечества – неизвестно. Достоверно установлены 203 корня праиндоевропейского языка и описаны их исконные значения. Это великое открытие, в истории науки равнозначное открытию Периодической системы элементов Д. И. Менделеева, сделано лингвистом Н. Д. Андреевым. Он же показал, как из крохотного зёрнышка-корня, состоявшего всего из двух звуков в нашем языке, произрастали, словно дерево со стволом и ветвями, производные слова со множеством значений.

Установленные Н. Д. Андреевым 203 корня праиндоевропейского языка с их реконструированными исходными значениями, породившими смыслы слов в современных языках, на сегодняшний день с достоверностью могут быть приняты как материальное – языковое воплощение архетипов мышления индоевропейских народов, что психологи называют коллективным бессознательным, свойственным этим народам, а антропологи – расовым типом поведения. Вот один из примеров расового типа поведения, определяемого языком.

Индоевропейское понятие **муж, мужчина** *xp- (греч. an-dros) исконно означало **идуший впереди**. Мужчина, по смыслу своего именованья в индоевропейских языках, должен был быть вождём, ведущим – для семьи, для рода, – обязан был направлять, продвигать своё дело, проводить свои идеи, искать и прокладывать путь в любом полезном направлении. В русском языке это понятие сохранилось в предлоге **над**, который говорит о превосходстве и предводительстве. Одновременно **мужчина** является носителем **ума** и **мысли** благодаря смыслу другого своего индоевропейского именованья – *mp-, сохранившегося, например, в русском слове **муж** и в английском man. То есть архетипы мышления, хранящиеся в языковых корнях, диктуют мужчине установку, что он является ведущим для всех и думающим, то есть заботящимся обо всех в роду и семье.

А понятие **жена** в индоевропейском означает **рождающая**, то есть предназначенная для продолжения рода. Задача женщины согласно именованию – рождение детей, архетипы мышления не закладывают в неё программы вождя или мыслителя. Жизнь женщины, согласно языковым представлениям индоевропейцев, оправдывается рождением детей.

Архетипы мышления, то есть “элементарные мысли”, хранящиеся в словах **муж** и **жена**, действуют независимо от нашего желания, мы подчиняемся им, как инстинктам, эти инстинкты укоренены в поговорках, к примеру: “муж – голова, жена – душа”. Но врождённые языковые инстинкты входят в конфликт с меняющимся под влиянием внешних воздействий общественным статусом мужа и жены, мужчины и женщины в современной европейской цивилизации. Жена уравнивается в правах и предназначении с мужем, а тот перестаёт выполнять функции ведущего, главенствующего в семье и обществе. Результатом такого конфликта является высокая смертность мужчин, прежде всего в странах, где их роль наиболее принижена.

Почему сегодня в России беспрецедентно умирают мужчины? Число умерших или погибших русских мужчин трудоспособного возраста, по данным Роскомстата, превышает число умерших и погибших женщин в четыре раза. Повторяю: в четыре раза больше гибнет в России мужиков по сравнению с женщинами, и войны как будто нет, и повальные болезни вроде бы не косят население, а вот поди ж ты – мрут! Объяснить мор пытаются разными причинами: пьянством, наркоманией, высокой смертностью в дорожных авариях, сердечной недостаточностью, которая избирательно предпочитает именно молодых мужчин... Но эти объяснения не касаются одного: почему

русские мужики не хотят жить? Почему они спиваются, травятся наркотиками, бьются на дорогах, почему у них не выдерживает сердце?

Доктор медицинских наук Игорь Гундаров дал на этот вопрос ответ, близкий, по моему мнению, к истине: “Эпидемия сверхсмертности в России является результатом навязывания исторически и культурно чуждых для нас духовных ценностей. Тип мышления, всячески внедряемый в сознание русского человека, противоречит его нравственно-эмоциональному генотипу, и вымирание нации является специфической реакцией отторжения на чужую духовность”. Я бы сформулировала жёстче: те задачи, которые ставит перед народом его язык, а именно язык, повторяю, направляет мысль человека в национальное русло, в условиях чужой духовной экспансии оказываются невыполнимы. И человек отказывается от бессмысленной жизни, он интуитивно отказывается жить, не желая быть овощем на человеческой грядке.

Что происходит ныне в России с русским народом? Русские женщины ещё кое-как выполняют своё предназначение: они рожают, пусть по одному, по двое, но производят на свет детей, и тем держатся за жизнь. Но вот русские мужчины в своей собственной стране, в своих собственных семьях перестали быть **идущими впереди**. Мужчина сегодня не может сам определять своё будущее – и будущее тех, за кого он отвечает, будущее тех, кто вручён ему судьбой как **идущему впереди**. Взять хотя бы самую малую матрицу общества – семью. Прокормить её мужчины в большинстве своём не могут. По последним данным Роскомстата, зарплату ниже прожиточного минимума получают сегодня в стране семнадцать процентов населения, то есть 24 миллиона человек. А рядом с не просто нищими, а голодными семьями русских мужиков, не имеющих никакой возможности прокормить своих детей, жируют, пируют, процветают чьи-то очень немногочисленные семьи. Ведь недавно при такой массовой нищете средняя зарплата в России составляет, как пишут в СМИ, 37 тысяч рублей! Но ведь крышу над головой и на такую зарплату в России не купишь даже за десять лет, так что не может русский мужик быть **идущим впереди** своей семьи.

А где русскому мужчине быть ведущим в делах на благо своего Отечества, если промышленность загублена, сельское хозяйство деградировало, а землю распродают иностранцам? Законы написаны так, чтобы губить страну, а не созидать её могущество, а русские губить и разрушать своё не способны: тот, кто призван вести вперёд, – обязан вести к добру! Где же русскому мужику послужить Родине, чтобы оправдать свое имя **идущего впереди**? Негде!

И во власть, чтобы попытаться свергнуть скотство жизни, русскому мужчине вовек не пробиться. Там очередь из других – немужской ориентации, особопролазных, хищнических способностей и нерусской хватки персонажей.

Что остаётся? Умирать! Не дорожа жизнью, просаживать её то в пьяном угаре, то в наркотическом полусне, то в бесплодных мечтаниях.

Всякий раз в истории, когда русским мужчинам пресекали все мирные пути созидания, они волей-неволей выходили на дорогу воинской битвы. Почувствовать себя воином, идущим впереди обездоленного, осиротелого, оскорблённого народа – вот единственно возможный спасительный путь для русского мужика. Этот берегающий нацию опыт подсказывает нам, к примеру, сербский язык, в котором жена именуется мужа **войно**, то есть глава семьи, женатый мужчина по-сербски – **воин**. Сербы, находившиеся под турецким владычеством пятьсот лет, знают, что выстоять поработённому народу можно, только когда его мужчины, мужи поголовно становятся воинами.

Русским женщинам необходимо сегодня следовать примеру сербских жён. Наши мужья, чтобы не потерять смысл своего существования, должны стать воинами. Это их единственная возможность выбрать путь **идущего впереди**. Иного способа спастись история народам не предоставляет.

Материнство и Родина

Исходное значение слова **мать** – огромная, обширная, основная в жизни, что создало древнейший архетип матери, понятный человеку с рождения: **мать** – опора всего сущего (ср. однокоренные слова **матерый, материк, матица**), мать – корень всех человеческих начинаний и творческих устремлений, основа всяческого начала и конца. Привязанность к матери как к основе

нашей жизни неизменно заставляет каждого возвращаться к родному очагу, искать здесь новых сил и новых вдохновений.

Своеобразие же русского национального сознания состоит в том, что архетип матери у русского человека напрямую соотносится не только с привязанностью к родившей его женщине, но и с любовью к родной земле, которая имеет отчетливые черты материнства.

“От земли взят, землёй кормлюсь, в землю пойду”, – так издревле говорили русские. “Земля еси и в землю пойдеша”, – в лад исконному поверью вторит богослужебный чин. Это и есть понятие **Родины**. Ибо все мы рождены и живём в физическом, телесном смысле именно землёй, в ней лежит прах наших предков, из которого возрастает всё, чем кормятся новые поколения, и сами эти поколения в своё время тоже станут прахом и почвой для потомков. Земля и впрямь рождает нас и носит на себе, и потому она – Родина, и потому она – Мать. “Добра мать до своих детей, а земля – до всех людей”. “Как ни добёр кто, а всё не добрей Матери Сырой Земли: всяк приючает семью до гробовой доски, а земля приючает и мёртвого”. “Нужна рыбе вода, птице – вольная ширь поднебесная, а человеку нет ничего нужнее, как Мать Сыра Земля: умрёт, и то в неё уйдёт”.

Но не всякая земля – мать, а только родная, та, где человек родился, ибо в ней лежат его отец и мать, деды и прадеды. **Земля – это икона предков**. И потому издревле перед лицом земли родной человек не мог солгать, и говорили в старину: “Не моги солгать – земля слышит!” И потому человек не смел выругаться чёрным словом, ведь по поверью, у того, кто ругается матом, земля три года под ногами горит. А ещё русские твёрдо верили, что земля не принимает в себя после смерти тех, кто знается с нечистой силой: такие скитаются тенями среди живых, наводя страх и ужас. Вот отчего колдуну в могилу вгоняли осиновый кол – чтоб не шастал по земле, раз она его не принимает, да не пугал добрых людей.

Клятвы перед лицом земли донесла до нас языковая память, то были обеты, слышанные поколениями наших предков: “В земле деды-прадеды лежат, из земли всякое слово слышат!” Считалось, что тяжких грешников земля ни на себе, ни в себе не держит, они проваливаются “сквозь землю”, и потому в подтверждение добросовестности говорилось: “Да провалиться мне на этом месте!” А в древности клялись: “Не роди Мать Сыра Земля!”, – что равносильно было молитве-оберегу: “Не дай Бог!” И ещё сохранялась в народе клятва “Пусть прикроет меня Мать Сыра Земля навеки!”, – так говорили, принося обеты, осеняя себя правой рукой крестным знаменем, а в левой держа ком земли. Братающиеся на жизнь и на смерть не только менялись крестами-тельниками, а порой вручали друг другу по горсти земли. Было поверье, что если собрать на семи утренних зорьках по горсти земли с могил заведомо добрых покойников, то эта земля будет спасать собравшего её от всяких бед и напастей.

“Язычество дремучее!” – вздохнет кто-то, но ведь в русском христианстве сохраняется та же древность: и землю с могил Святых Божиих носят православные как святыню, и в гроб почившего после отпевания кладут горсть освящённой земли.

А это поверье кому из современников не знакомо? Кто не захватит с собой в чужедальний путь горсть родной земли, тот никогда больше не увидит Родины. Отправляющийся в дальний путь человек потому и брал с собой родную землю, завязанную в тряпицу, что это частица мощей его прародителей, зримое благословение его народа. Вот что стоит за ныне ещё живой традицией.

Сколько русских поговорок, основанных на особом понимании Земли Матери, карающей и милующей, заботливой и суровой, водится в нашем быту до сих пор: **сквозь землю бы провалился; земли под собой не взвидел; да как его ещё земля носит; хоть из-под земли достань; легче в землю лечь**... Это впечатано в нашу генетическую память, это нерушимый архетип нашего национального сознания: земля – Мать, земля – Родина, земля – икона предков, земля – кормилица, земля – целительница.

Именно кормилица и целительница, за что русский человек не уставал благодарить землю! Кто не почитает земли-кормилицы, тому она, по словам народным, не даст хлеба не то что досыта, а и впроголодь. Кто сыновним поклоном не поклонится Матери Сырой Земле, выходя впервые по весне в поле, на гроб того она ляжет не пухом лёгким, а камнем тяжким. Больные, мучимые

лихоманками, выходили раньше в поле, клали поклоны на четыре стороны и приговаривали: “Прости, Мать Сыра Земля!” А разве не знакомо это нам, когда в болезни, при смерти в дальней стороне, на чужбине человек начинает стремиться вернуться на Родину! И именно действием инстинкта-архетипа можно объяснить, казалось бы, столь нерациональное завещание многих умирающих вдали от России: быть похороненными на родной земле и там упокоиться.

Многие из этих поверий уже утрачены, мы почти не осознаём, что родная земля – это икона наших предков и многотысячелетняя толща останков благочестивых родов. Мы не осознаем этого настолько, что на местах старых кладбищ, снося их бульдозерами, строим сегодня развлекательные центры и магазины. Мы не думаем о том, что нас из земли может кто-то услышать, и потому, не стыдясь, сквернословим, лжём, подличаем. А главное: мы стали воспринимать землю как **окружающую нас среду**. Да, именно так: *окружающую нас*. А мы, стало быть, ныне живущие, – пуп земли. Каких только пакостей не претерпела от нас родная земля: мы вырубаем леса, поворачиваем реки, иссушаем болота, убиваем всё живое на родной земле, мы не думаем, что Она – живая, что Она – святыня. Мы считаем её только источником ресурсов, доходов и прибыли. Добрый сын так с матерью не поступает...

А ведь земля – Мать. В архетипах нашего русского мышления искони и навеки записано: Земля – Мать. Вот все знают: охватит, обхватит человека горе, надсмеётся злосчастье над его душой, задавит несправедливость или тоска, и кидается тогда горемыка ничком на землю, обхватит её, родимую, руками, как пал бы в детстве на грудь к родной матери, выплачет своё горе, вырыдает всё, что на душе, и легче становится, а почему к земле приникает человек – кто ж знает? Да только сердце подсудно ведаёт старое поверье: “Держись за землю – трава обманет!” Держись за землю!

Но если Земля – Мать, а это в тайниках нашей души, в архетипах мышления живёт несомненно, то мы-то тогда – её дети, сыновья и дочери. Материнство земли заложило в нас животный инстинкт Её защищать, заботиться о Ней, как о Матери. Я повторяю: *животный инстинкт*. Все русские, родившиеся на русской земле, – по зову предков непреременные защитники Родины, Матери Земли. Такая убежденность на протяжении веков хранила Россию и русских от внешних нашествий. Кто бы пришлый ни явился к нам на Родину – не в гости, под какой личиной бы ни скрывался чужак, его намерения выявлялись по тому, как он обходился с Матерью Землей нашей, с Родиной русской. Топтал её, терзал, разорвал, губил цвет земли, – поднималась, хотя порой и не сразу, сила русская, вздымались сыны Родной Земли, сколько бы их ни осталось, постоять за Мать. Не было в том русском гневе никакой корысти: ни защитить себя, ни заступиться за родню, ни отстоять свою собственность русские при этом не помышляли – они вставали именно за Родину-Мать. Знают наши враги этот исконный инстинкт русский, потому и внедряют в наше сознание толерантность, то есть безразличие сына к матери, терпимость к тем, кто над Ней ругается.

В известном древнерусском стихе о Голубиной книге задаётся вопрос: “Которая земля всем землям мати?” И следует ответ: “Свято Русь земля всем землям мати” – “Почему же Свято Русь Земля всем землям мати?” – “А в ней много люду христианского, они веруют веру крещёную, крещёную, богомольную самому Христу, Царю небесному, Его Матери Владычице, Владычице Богородице, на ней стоят церкви апостольския, богомольные, проясненные, Они молятся Богу распятому...” Эти слова нельзя назвать проявлением русского шовинизма или самовозношения. Не только русские считали свою Родину матерью всех земель. Территорию, на которой располагается Русь, геополитики Европы и Америки называют heartland, то есть “сердце земли”. Такой видели нашу землю другие народы планеты, и это подтверждается новыми исследованиями глобального потепления климата. В то время как Западная Европа, Америка, Австралия, Африка будут подвержены ужасным катастрофам, по прогнозам учёных-климатологов, самым удобным и безопасным будет лишь одно место на планете – страна под названием Россия. Вот и зарятся на нашу Родину-Мать завидующие глаза и загребушие руки чужаков, вот чем объясняется исподволь управляемое нашествие в Россию некоренных народов: надо разбавить, растворить русский народ, чтобы истребить и истощить его сыновнюю силу, когда придёт наш час постоять за Мать Сыру Землю – за нашу с вами русскую Родину.

Отцовство и Отечество

В славянском слове **отец** заключено древнейшее значение – *источник существования*. Корень **от-** у слова **от-ец** – исконно тот же, что и в нашем русском предлоге **от**, который употребляется с родительным падежом. То есть **отец** – это тот, **от кого** ты приходишь, **отец** – это твой источник. Когда жена рожает **от** мужа, он становится **от-цом**. Так **отец** в истоках русского языка именуется источником нашей жизни.

И ещё одно слово обозначает отца в русском языке – это **батя**. Оно восходит к индоевропейскому *pater*, английское *father* и немецкое *fater* имеют те же истоки. Корень этого слова сохраняет исконное индоевропейское значение – “защитник”. **Батя** в русском представлении, как и в представлении других народов-языков, – это защитник рода и семьи, тот, кто бережёт и ограждает от беды, о чём предупреждают русские поговорки всякого зарвавшегося сына: **Не лезь поперед батьки в пекло**. Это слова о том, что подвергаться риску и опасности – это привилегия и обязанность отца – защитника семьи.

А ещё есть мудрая поговорка, какую вспоминают русские обычно с запоздалым раскаянием: **Был отец – убил бы его, нет отца – купил бы его!** А ведь как точна природная наша мудрость! Всякий сын бывает отцу поперечником, отцовское старое да надёжное представляется ему отсталым и устарелым. И сколько таких раскаявшихся после отцовской смерти сыновей вспоминают эту поговорку! Вспоминают и тогда, когда растят уже собственных сыновей, таких же, как сами, поперечников, привередников и спорщиков.

Два смысла, связанные с именем отца в русском языке, – **источник нашей жизни и наш защитник**, – ускользают ныне из сознания русских людей. Не всякий помнит и пятую заповедь Закона Божия: “Чти отца и мать свою, да благо ти будет, да долголетен будешь на земли”. Заповедь постановляет, в чём залог нашего благосостояния на земле и залог долголетия нашего рода, то есть детей и внуков. По сути же, почитание отца-матери как заповедь и как архетип мышления являются основой идеологии национализма. Национализм – это любовь к своей нации, единственная идеология, позволяющая народу выстоять в процессе глобализации. Любовь к отцу, а у отца – любовь к своему отцу – нашему деду, а у деда – почитание своего отца – нашего прадеда... Почитание старших в семье преобразуется у нас в почитание дедов и прадедов в роде, а любовь и уважение к своему роду выливается в любовь к родному народу.

Законы наследственности, прописанные в архетипах русского мышления так же, как и пятая заповедь, видят долголетие рода в сохранении доброго духа, передающегося от отца к детям, в преемственности добра и зла в роду: **Каков батюшка, таковы и детки; у доброго батьки добры и дитятки; яблоко от яблони не далеко падает; сын – в отца, отец – в пса, а оба – в бешеную собаку**.

Каждый из нас, слыша эти слова от родителей, взрослеет в убеждении, что будущее нашей семьи и нашего рода, судьба и счастье наших детей – в **наших** руках. И не надо изучать биологические законы наследственности, штудировать генетику, чтобы понимать, откуда у наших детей изъяны и пороки, – от нас самих.

У русских сегодня ещё довольно крепко укоренена любовь к матери: сыновей-дочерей, властвовавших или презирающих мать, очень немного. Но при этом в России властвует полное пренебрежение к отцам. Отчего это?

От вас – отцы! Посмотрите на себя, во что вы превратились! Вы ли источник жизни для своих детей? Вы ли защита и оберег для своих семей? Нет. Повальное пьянство, от которого, согласно докладу ООН, к 2025 году в России вымрет 11 миллионов человек. Отсутствие воли и ответственности за Родину и детей. А сколько брошенных детей, сколько детей-бродяг, беспризорников. Это яблоки от каких яблонь? Вина отцов, отдавших в России власть чужеземцам и иноверцам, всегда расплатой падает на головы их детей. И в наших детях – трусливых, безвольных, не желающих думать и учиться, сквернословящих, наркоманящих, пьющих, – мы должны узнавать себя. Только пороки и грехи детей удесят�ряются, потому что уже не сдерживаются усилиями родителей, как это было в нашем детстве.

Народ, утративший отеческую любовь, нация, в которой нет почитания отцов, обречены на вымирание, точно так же, как и семья, в которой отец –

не защитник, а сын не чтит отца, уже не семья и не род. Этот архетип мышления надо очищать от мути в глубинах своей души.

Слышу скептические голоса: где уж очнуться горькому пьянице! Как человеку, никогда не имевшему воли к победе и успеху, пытаться чего-то добиться в жизни, ну, разве можно встать на ноги, если ты провёл на коленях всю жизнь?.. Не верьте этим лукавым рассуждениям! Вши и клопы одолевают нас не потому, что мы не можем от них отбиться, а потому, что грязны, запущены, ленивы. Так что ж теперь, всем погибать из-за пьющих, расслабленных, безвольных, из-за тех, от кого заболело, завшивелило тело народа? Будем отмываться и очищаться. Возможно, какие-то добрые дети поднимут из руин своих погибающих родителей, возможно, какие-то опаматовавшиеся отцы вразумят падших детей. Для спасения нации надо восстановить в народе чувство **отеческой любви**. Таков закон национального выживания: он коренится и в исконном названии Родины. Отечество — это ведь не только наша земля, это, прежде всего, земля наших отцов, земля наших предков, передавших её новым поколениям.

Добро и зло по-русски

Отличительная черта нашего времени — наглое и упорное смешение представлений о добре и зле, когда человек, творя преступления, не отдаёт себе отчёта в том, что совершает зло. Различать добро и зло свойственно любому человеку, но понимание того, “что такое хорошо, и что такое плохо”, во многом национально обусловлено.

Древние корни слов **добро** и **зло** в русском языке изначально несут в себе понятия хорошего и плохого. Причем **добро** и **зло** существуют в постоянном сопоставлении друг с другом, они — основа шкалы оценок всего, с чем сталкивается человек в течение всей жизни. Поэтому отговорки, что кто-то чего-то не понимает, творя зло, — притворство и негодяйство.

В той же системе координат пребывает множество пар слов, соотносясь одно — с добром, а другое — со злом: **право** и **лево**, **верх** и **низ**, **прямо** и **криво**, **перед** и **зад**, **свет** и **тьма**, **белый** и **чёрный**. По тому, как в русском языке эти слова распределяются в категориях добра и зла, мы можем судить о представлениях нашего народа о том, что он считает добрым, а что ненавидит и презирает как безусловное зло.

Итак, понятия **добра** и **зла** есть исходные установки, заданные нашим родным языком. В той же системе координат размещены противопоставленные друг другу пары слов, которые отражают представления народа о том, что для него в жизни хорошо, а что плохо. Таковы, прежде всего, слова **правый** и **левый**. Разумеется, они обозначают конкретно правую и левую стороны при ориентации человека, правую и левую руки и части его тела. Но одновременно они хранят в себе представление о том, что правое — это **добро**, а левое — это **зло**. Вот почему в понимании русского народа **править** в государстве можно, лишь творя добро, **управлять**, согласно нашему языку, должно лишь во благо. Если русские убеждаются, что власть имущие несут зло, они требуют **исправления** ситуации. Они интуитивно стремятся **выправить** свою жизнь, если власть не **правит** народом, а ведёт его ко злу.

Корень **прав-** необычайно плодотворен в нашем языке, вся человеческая деятельность, с точки зрения русского самосознания, должна быть освящена идеей **правоты**. Ключевое для нас понятие **правда** исконно означало свод правил, по которым живут русские люди. И первое русское собрание законов и **правил** называлось “Русская правда”. Правду как правило русской жизни, то есть жизни в добре, народ рассматривал как всепобеждающую силу: **Не в силе Бог, а в правде; деньги могут много, а правда — всё.**

Справедливость — это основной принцип, движущий русским человеком, который готов терпеть материальные невзгоды и лишения, нужду и голод, но нарушение справедливости его оскорбляет и разъяряет. Помните Манежную площадь, где против беззакония и государственного беспредела, то есть против несправедливости, выступили наши дети — шестнадцати- и восемнадцатилетние мальчишки. Уж кажется, им-то где было научиться чувству справедливости, ведь они выросли в самые несправедливые за последние

полвека времена! Но в том и дело, что это чувство – врождённое у русских, и вздымается в наших душах непредсказуемо.

Насколько благим понятием **правый** пронизана вся наша жизнь, настолько слово **левый** носит в русском языке и сознании ярко негативную окраску. В нас стойки понятия **левачить, левак, гулять налево, добыть слева, продать налево, зайти слева**. Всё это – о незаконных, неприличных, неприглядных, с точки зрения русского человека, делах. А как живучи установки, основанные на древнем представлении, что слева за плечом у нас хоронится нечистая сила, и, чтоб не сглазить, надо плюнуть на неё через левое плечо. И ещё вспомним наши древние выражения, которые никому объяснять не надо: **встать с левой ноги, надеть рубаху на левую сторону**...

Слово **правда** противопоставлено в русском языке понятию **ложь**. Причём **правда** – всё, что не содержит в себе лжи, а **ложь** – безоговорочное зло, неприемлемое для русского человека, который полагает безнравственными все производные **лжи** – обман, хитрость, ловкость. Наша русская психология правдивости, честности резко контрастирует с психологическими установками других народов, к примеру, иудеев, у которых данные понятия являются позитивными качествами, что отражено в их религии. Так что древнейшие пространственные ориентации **правый** и **левый** в архетипах русского мышления предстают категориями **добра** и **зла**. И понятия **верх** и **низ**, первоначально пространственные, оказываются и признаками доброго – **верх** и злого – **низ**. Тело человека в древних, надёжно хранящихся в подсознании представлениях следует покрывать ниже пояса, прятать его от чужих взглядов, ибо там срам и стыд. Все, что относится к проявлениям физической жизни ниже пояса, рассматривается как подлежащее сокрытию, дабы избежать греха, впадения во зло. Оголившегося прилюдно человека именовали **наглым**, то есть обнажившимся и, следовательно, бесстыдным. А что такое **стыд**? Это слово сродни понятиям **стужа, студить**. **Стыд** – это когда телу холодно, то есть когда человек раздет. Не зря существует и глагол **издеваться**, что значит **раздеваться, не чувствуя холода и стыда**, тем самым выказывая своё бесстыдство.

Напротив, верх человеческого тела – и, прежде всего, **лицо** – должен быть открыт; лицо в представлении русских непременно несёт в себе черты добра. Если лицо человека не выражает добра, его по-русски называют рожей, харей, мордой, и бьют русские люди, заметьте, не по лицу, а исключительно **по морде**, ибо по лицу, согласно нашим исконным установкам **добра** и **зла**, бить нельзя. Лицо – это верх человеческого существа, на лице должна быть печать добра. По-русски, если есть охота ударить негодяя, приходится прежде переименовать его лицо, назвать его **рожей** или **мурлом, рылом** или **харей**, то есть приравнять к звериной морде, и тогда с чистой совестью **по морде** и **вмазать!** Так язык диктует нам правила нашего русского поведения.

Но не только человеческое тело рассматривается в русском языке как разделённое на злую часть – **внизу** и добрую – **вверху**. Понятие о вышнем как о духовном, представление о высоком как о лучшем и по праву главенствующем в социальной иерархии, воззрение на верховенство как на справедливое руководство нижестоящими – эти установки показывают, что всякий успех расценивается как восхождение на высоту, то есть как заслуженное превосходство и возвышение. В то же время слова **ниц, навзничь, никнуть, нищий** связаны не только с обозначением поникшего человека, они характеризуют всякое нисхождение, в том числе и духовное унижение, и нравственное падение, именуемое по-русски **подлостью** или **низостью**. В богословской картине мироустройства на высоте, в небесах, на горах, на облаках обитают Высшие Силы, Господь Бог и Ангелы его, а нижние сферы, подземный мир суть обиталище нечисти – демонов и самого сатаны. Поэтому власть имущие, те, что находятся на вершинах власти, согласно русским архетипам, должны быть непременно праведными, боголюбивыми и стремящимися к добру. Мы обычно долго пребываем в иллюзиях, что они таковы. Когда же открывается, что, находясь на высотах государственного управления, нами верховодят личности подлые и низкие, которым место в преисподней, вот тут поведение русского народа может стать непредсказуемым: он интуитивно, повинуясь национальным архетипам поведения, способен восстановить иерархию, соответствующую нашей русской картине мира. И народ будет стремиться по заслугам отправить таких власть имущих на дно ада, где им и надлежит по справедливости обитать.

И другие характеристики пространства – **восток** и **запад**, к примеру, – в русском представлении чётко ориентированы в категориях **добра** и **зла**. **Восток** представляется источником добра. Это и понятно: для древнего человека новый день как исток жизни начинался с восхода солнца, движением его **ввысь**, а заканчивался закатом светила – падением его **вниз**. Но архаические, вполне материальные представления сопрягаются и здесь с духовными понятиями. Звезду, знаменующую пришествие Христа, волхвы увидели на **Востоке**, храмы христианские обращены алтарём на **Восток**, ибо именно с **Востока** ожидается Второе пришествие Христа. У каждого народа, у каждой религии мира с Востоком связаны представления о явлении Божества, а с **Западом** – знамения человеческого падения и конца света. И доселе мы называем **Западом** не только Европу, которая действительно расположена к западу от России, но мы также именуем **Западом** и Соединенные Штаты Америки, разумея под этим словом наше древнее представление о мире зла, несущем России и русским одни невзгоды. Русская история вполне подтвердила интуитивное прозрение нашего языка: все самые страшные нашествия Россия претерпевала с Запада. Это и тевтонские рыцари в XIII веке, и Смута 1613 года, и нашествие французов в 1812 году, и две мировые войны XX века, и нынешняя оккупация России тоже пришла с Запада. С Запада же исходила экспансия самых вредоносных для русского народа идей – католицизма, реформации, масонства...

Категории человеческой ориентации, именующиеся в русском языке **перед** и **зад**, тоже привязаны к категориям **добра** и **зла**. Что такое **быть впереди**? Это значит быть сильнее, умнее, выносливее и терпеливее других. Что значит – **оказаться позади**? Это является знаком того, что ты слаб, что тебе не хватает воли и выдержки. Это тысячелетние языковые представления о первенстве и отсталости. Они так же древни, как и понятия русского этикета, которые предписывают не поворачиваться к собеседнику спиной, ведь отворачивать лицо – это знак немилости или обиды. Даже **переднее крыльцо** и **задняя дверь, задний двор** – не такие уж и древние в историческом плане вещи – воплощают именно архетипы нашего мышления, упорно разделяющие **переднее** и **заднее** как **хорошее** и **плохое**, парадное и обыденное, чистое и грязное. Много веков и плохим приметам, несущим те же древние представления: надеть одежду задом наперёд – значит, вскоре быть битым.

Но ведь **задом наперёд** у нас оказывается перевёрнутым целое государство. Люди, не достойные быть впереди, руководить, возглавлять, пробились в вожди и лидеры нации. Явные злодеи, торгаши и маркитанты, лихвары и спекулянты выставляются **вперёд**, напоказ как праведные и мужественные государственные мужи, а подлинные герои и подвижники отодвигаются на **“задний план”**. Положение **задом наперёд** и **с ног на голову** в русском представлении не только шатко и неустойчиво – оно губительно и опасно для народа и требует скорейшего исправления, чтобы восстановить исходный древний архетип **добра** и **зла**: когда вести народ **вперёд** должны лучшие его представители, а все недостойные – плестись в обозе.

Пара слов **день** и **ночь** в связи со своими природными свойствами – **света** и **тьмы** – оказываются носителями **добра** и **зла**. Образы **света** и **тьмы** вмещают в себя и слова **белый** и **чёрный**. Белый цвет – символ добра, светлости, чистоты и обновления жизни. Чёрный – образ скорби, зла, мрака, страха и смерти. Этот символический цветовой контраст также врождённо присутствует в нашей душе. Скажешь: **светлый человек**, – и всё ясно, и никому ничего не надо объяснять. А обронишь: **тёмная личность** или **чёрный человек** – и припечатаеть эту личность так, что никаким мылом печати не смыть. Возвращаясь к современной политике: чем больше мы видим тёмных личностей и чёрных людей в нашем правительстве, в средствах массовой информации, даже объективно – физически – чёрных, тем больше осознаем, что эта тьма несёт нам зло и неправду. Наш язык помогает нам разобраться в этом.

Противопоставления слов **прямой** и **кривой, простой** и **лукавый** тоже сориентированы в категориях **добра** и **зла**. Конечно, всем ясны преимущества прямоты и невыгоды кривизны на дорогах и перепутьях. Но этими же словами описывают духовные понятия: **прямота** как свойство характера и тип поведения представляется русскому человеку безусловным **добром**, а **кривизна** видится нам несомненным **злом**, пороком, достойным презрения. Не зря существует древнее выражение **кривить душой**, то есть лгать, изворачиваться,

лицемерить. Простота – та же прямота, ещё и с готовностью простить всякого перед тобой провинившегося – явное добро и преимущество перед лукавством, которое есть уклонение от прямого пути. Простота и прямота, по убеждению русских, – сильнейшие и лучшие свойства человеческого духа, они умножают даже физическую силу человека. А из этих исконных установок проистекает природное русское качество преданности и верности, а также русское презрение к предательству и измене как производным кривизны и лукавства. Вот почему никогда никто нас не убедит, что изменник Горбачёв и предатель Ельцин, развалившие наше государство, – это хорошие, добрые люди. Наш язык противится таким уверениям всеми своими смыслами, как бы сегодня ни возносили иуд и какие бы памятники из белого мрамора им ни ставили. И белый мрамор не спасает предателей, потому что в нашем представлении они, безусловно, чёрные люди, тёмные личности, криводушные, низкие и лукавые.

Во врождённых русских понятиях о **добре** и **зле** мы видим тяготение к свету и отторжение тьмы, предпочтение белого, то есть чистого, светлого, и отрицание мрачного, чёрного, нечистого, безусловное служение правде и деятельную ненависть ко лжи и кривде, приверженность к честности и прямоте, осознание себя правым, белым народом, то есть стоящим на началах добра и истины. Русские по врождённому свойству языка обращены к своим ближним лицом, а не спиной, язык же диктует им необходимость целомудрия и стыдливости, требует презирать наглость и бесстыдство, отвергать предательство и измену.

Всё это – архетипы наших представлений о **добре** и **зле**. От них никак не отказаться, их невозможно забыть, ибо они в кровеносных сосудах нашего языка. И именно с этими архетипами **добра** и **зла**, укоренёнными в душе нашего народа, ведёт борьбу дьявол в лице современных властей имущих. Потому что невозможно вести народ во тьму, если он инстинктивно рвётся к свету. Трудно руководить народом, который ждёт, чтобы им правили, то есть вели его к правде, и при этом погружать народ в ложь и гибель. Без этих путевых вешек, которые вырубил, выжгли, выкололи на нашей русской дороге пропагандой лжи, пороков, откровенного поклонения злу, многие русские могут превратиться в скот.

Путные мы или беспутные

В архетипах русского мышления жизнь человека от рождения до смерти оценивалась как **путь**, как движение, осмысленное или бессмысленное, направленное или хаотическое, но непременно движение. Не случайно христианские проповедники говорили о путешествии человека по морю житейскому, а само слово **море** по-гречески, к примеру, звучало как **понт**, то есть наш русский **путь**. Древние индоевропейские народы передвигались на далёкие расстояния в основном водным путём, отсюда неслучайные соединения в языках: **море** греческое – это **путь** по-русски, **reid** и **raid** в германских языках, однокоренные русской **реке**, означают **езду**, а индоевропейское слово-корень **berg-** – **берег** созвучно и односмысленно русскому **беречь**, то есть спасаться от невзгод на берегу житейского моря.

Каковы же русские представления о пути жизни, о дорогах нашего бытия? Ведь именно ими определяется русский смысл жизни.

В Словаре Владимира Ивановича Даля **путь** означает всякую дорогу, ездovou накатанную полосу, ходовую тропу. Всякому встречному радушно желают: **Путь-дорожка! Счастливого пути!** Однако, как это всегда бывает в языке, слово **путь** имеет и более общий смысл: это способ достижения, направление движения – путь человеческой жизни, направляемый Богом. Поэтому мы говорим: **Пути Божии неисповедимы**. Поэтому старшиеставляют младших: **Ходи всегда путем правды**. На **путь истинный** мы ставляем, когда разумеем пользу, разумность, толк человеческой жизни. От **путей неправедных** предостерегаем детей: **В этом деле пути не видится; делаешь не путём**. Человек у нас именуется **непутёвым**, если по неразумию не имеет заботы о смысле своей жизни, или **беспутным**, если сознательно отказывается следовать по жизни прямым и честным путём.

С представлением о прямом пути связана русская идея праведной жизни – жизни **путной**, осмысленной, пройденной с пользой. Это жизнь по Бо-

жким заповедям: **За Богом пойдёшь – добрый путь найдёшь**, это жизнь по заветам отцов: **Слушайся добрых людей – на путь наведут**. Правило не дорожное, а жизненное, которым наставляли свою молодёжь русские люди, состояло в том, что **не ищут дороги, а спрашивают**. Ведь дорогой традиции, дорогой обычая проходило и проходит каждое новое поколение нации. Само слово **обычай** означает нечто навек установленное, чему люди обыкли или навыкли, то есть научились. Обычаям надлежит учиться, чтобы их исполнять.

И ещё одно важнейшее представление о правильном пути человеческой жизни коренится в архетипах мышления русского человека: **Нужный путь Бог правит; Бог пути кажет**. Это очень важно для всякого колеблющегося, для нерешительных и робких это спасительная мысль, заставляющая собираться с силами, сосредотачиваться и двигаться вперёд!

Мы не всегда отдаём себе отчёт, как много в нашей нравственной жизни связано с представлением о пути-дороге. Ведь что такое наши **поступки**? Это поступь по дороге жизни. Мы привычно говорим: *войти в сделку, вступить в договор, следовать советам старших*, а ведь в основе всего этого лежит идея *следования, вхождения, поступи*. Отец ведёт за собой детей, муж – жену, оттого она издревле называлась водимой, и, смотря по тому, как люди шествуют за своими вожатыми, составлялся приговор об их **поведении**, и само поведение наших близких, выходит, зависит не только от водимого, но и от ведущего. Нарушение уставов и законов мы называем **проступком, преступлением**, и действительно с этими словами соединена идея совращения с настоящей дороги и *переступания законных границ*: кто не следует общепринятым обычаям, тот человек *беспутный, непутёвый, заблудший*. Сбившись с дороги, он осуждён блуждать по сторонам, идти не прямым, а окольным, круглым путём. Сама же дорога – жизненный путь – воспринимается русским мышлением как **путь прямой**, свернуть с него – значит блуждать кривыми дорожками, развращённым называли человека, отворотившегося от прямого пути.

Напомню ещё одно суеверие, связанное с дорогой и хорошо знакомое всем нам. Как обломок древних инстинктов сохранилась примета: если собрался на какое-то дело, возвращаться нельзя – успеха не будет. За древним поверьем стоит запрет на всякое движение вспять, а следовательно, мощный позыв к продвижению вперёд – и только вперёд. Возможно, этот инстинкт руководил продвижением нашего народа на Север и в Сибирь, на Дальний Восток и Аляску. Именно этот инстинкт – запрет на возвращение – породил великую державу на шестой части суши Земли. Отвращение к движению вспять, пока не достигнешь поставленной цели, лежит в основе открытий русских путешественников, освоения новых земель, вообще в основе интереса ко всему новому и неизведанному. И этот инстинкт столь живуч, что окаменел в суеверии, нарушать которое и сегодня решается далеко не всякий.

А выражение **перейти кому-то дорогу** до сих пор употребляется в смысле *повредить успеху, заградить путь к достижению задуманной цели*. Отсюда примета: тому, кто отправляется из дому, не должно переходить пути; если же это случится – не жди добра. Встречный-поперечный, встав поперёк дороги, даёт понять: это моя земля, двигаться дальше нельзя. Сохранившееся в суеверии представление влияет на людей, которым переходят дорогу, предупреждая о трудности предстоящего пути, обещает, что путь будет связан с препятствиями.

Вспомним ещё одну трогательную русскую примету: в тот день, когда уезжает кто-нибудь из родичей, в доме обычно не метут полов, чтобы не замести ему следа, по которому он мог бы возвратиться под родную кровлю. Как метель и вихри, заметая проложенные следы и ломая поставленные вехи, заставляют плутать дорожных людей, так издревле думали, что, уничтожая следы отъехавшего родича, можно помешать его возвращению. Русские люди бережно хранят память об ушедшем страннике, свято веря, что он вернётся.

А ещё наш язык уподобляет дорогу разостланному холсту: и донныне говорится: **полотно дороги**. Народная загадка: **“Ширинка – всему свету не скатать”** – разумеет дорогу. И недаром существует обычай: когда кто-нибудь из членов семейства уезжает из дому, то остающиеся машут ему платками, чтобы путь лежал **скатертью**, так и говорится: **скатертью дорога**, – дабы путь был ровен и гладок.

Архетип мышления, что **жизнь** – это **путь**, и поэтому движение неизбежно, двигаться надо, следовать **путями жизни** так или иначе придётся, застав-

лял русского человека торить новые стези, соблюдая при этом здравомыслие и осторожность: **Тише едешь — дальше будешь**, хотя всё равно побеждали непоседливость и рисковость: ведь **стоячая вода гниёт; под лежач камень и вода не течёт; и камень лёжа мхом обрастает**.

Вековечная русская мечта — увидеть **край света**, то место, где **свет клином сошёлся**, — гнала наших предков из дому. Необъятная наша Русь делала дороги неизбежной частью жизни. Домоседство русскому не свойственно. До сих пор уму не постижимо, как дерзновенно осваивали русские люди далёкие земли, им на своих ближних просторах было тесно, они искали воли и отправлялись в путь, и рисковали головой, и заселяли земли, которые называли потом Великой Русью. Великую Русь могли освоить, сделать своей только великие люди, богатыри, волевые и сильные, расчётливые да приметливые, всегда готовые пуститься в путь.

Не зря только в русской земле с её психологией жизненного пути явилось **казачество**. **Казак** в переводе с тюркского — **бродяга**. Говорили на Руси: **“Казачьему роду нет переводу”**. Это о том, что были и будут у нас пассионарные, смелые и дерзкие любители вольной волюшки, не способные ходить под ярмом по кругу. Но то не азиатские скитальцы, не кочевники перекасти-поле без роду-племени. Русские казаки — это люди, расширявшие границы нашего государства, бившие царю челом новыми землями. Ермак Тимофеевич, завоевав Сибирское ханство, покоров Кучума и договорившись с множеством мелких местных князьков об их подданстве, не сам взялся править покорённой землёй — он поклонился этой землёй Царю-Батюшке. Одна забота была у русского человека, торившего новые пути-дороги, — о родной земле, чтобы она, родимая, была просторнее, богаче, крепче, собравшись под одной могучей дланью.

Так что в наших архетипах мышления исконно заложено, что **жизнь** — это **путь**, не топтание на месте, не лежание на печи, а именно **путь** — движение к цели. Твёрдо усваивал русский человек, что путь жизни должен быть прямой, без кривизны и лукавства, иначе проживёшь, как беспутный или непутёвый человек, забудыга. С прямого пути нельзя сворачивать, ибо так уходишь от своей, Богом назначенной судьбы. С пути нельзя возвращаться назад! Это ведёт к несчастью. *Следовать по пути жизни* — значит, не искать его вслепую, а руководствоваться обычаями предков. Вот те черты, которые составляют цельную русскую натуру, таковы ключи, которые лежат в основе величия и размаха русского человека. Вот они — наши русские правила жизни: двигаться вперёд и прямо, не сворачивать на кривую дорожку, не переходить пути своему ближнему, никогда не возвращаться вспять, а значит — никогда не сдаваться.

Жить, а не наживаться

Двадцатилетие капиталистического развития России создало два противостоящих друг другу имущественных слоя: богатых — это, как правило, представители бизнеса и высшего чиновничества, и бедных, заполняющих все иные социальные страты нашего общества — интеллигенцию, крестьянство, рабочих, а также вышедших из этих слоёв пенсионеров и молодёжь. По данным Роскомстата, 80 процентов населения России пребывает в бедности и нищете, и лишь двадцать — в достатке. При этом богатые богаче бедных в среднем в 800 раз. Такая чудовищная диспропорция социального и имущественного неравенства сопровождается в средствах массовой информации её идейным обоснованием: населению внушают, что подобные явления закономерны и естественны для капитализма, и теперь одним предстоит нескончаемо существовать в состоянии беспросветной нищеты, а другим даровано счастье получать сверхприбыли. И тем, кто хочет перескочить пропасть от бедности к богатству, придётся волей-неволей жить по законам капиталистического мира, где человек человеку — волк, где каждый — сам за себя, где нет места жалости и солидарности. Многие эту риторику восприняли всерьёз, и общество получило чудовищные результаты нацеленности богатых на сверхприбыли любой ценой: безудержный рост цен на жизненно необходимые энергоресурсы, некачественные продукты питания, фальшивые лекарства, смертельно опасный алкоголь, вредное для здоровья лечение. . .

У русских, нацеленных на получение сверхприбыли, произошёл слом национальной психологии, и они ринулись жить по канонам западноевропейской

цивилизации, резко отличающейся от нашей русской цивилизации ценностными ориентирами и языковой картиной мира. Западноевропейские ценностные установки и языковую картину мира очень точно охарактеризовал философ Эрих Фромм в фундаментальном труде “Иметь или быть”: “Общество, принципами которого являются стяжательство, прибыль и собственность, порождает социальный характер, ориентированный на обладание, и как только этот доминирующий тип характера утверждается в обществе, никто не хочет быть аутсайдером, а вернее, отверженным; чтобы избежать этого риска, каждый старается приспособиться к большинству, хотя единственное, что у него есть общего с этим большинством, — это только их взаимный антагонизм”.

В чём главное отличие языковой картины мира русского человека, которого рьяно принялись перевоспитывать в духе приобретательства и вожделения к богатству, от языковых представлений европейца — англичанина, француза, немца? Это отличие состоит в том, что европеец всегда стремится к обладанию, приобретательству, вожделеет проглотить и присвоить весь мир, недаром Фромм роняет обобщающую фразу: “...никто не хочет быть аутсайдером”, а русский — он предпочитает просто жить и действовать.

Различие это проистекает из коренного расхождения наших языков в видении мира и отношении к нему. Ключевым для европейских языков является общеиндоевропейский корень, выражающий значение приобретательства: латинское *habeo*, английское *have*, немецкое *haben*, греческое *echo*. Этот корень организует грамматику прошедшего времени данных языков, он лежит в основе английского слова *happiness* — *счастье*, он коренится в английском *shopping* — *покупки*, составляющем сегодня средоточие жизненных целей человека общества потребления.

В русском языке данный древний индоевропейский корень содержит лишь слова **хапать, хавать, хватать, хитить**. Он не участвует ни в каких грамматических структурах, он находится на периферии языка, обозначая весьма неприглядные для русского мышления понятия: *хитрость, хваткость, хищничество*. Всё это слова, синонимичные понятиям стяжательства, рвачества, делячества (в смысле попытки делить и присваивать себе общее), захватничества. Причем *habeo*, *have*, *haben* ни в коем случае не переводятся на русский язык русскими словами с таким же корнем — уж слишком негативны эти речения, они последовательно заменяются у нас глаголом **иметь**. Хотя глагол этот обладает совершенно иным исконным языковым смыслом: корень **им-** означает “внутренне присущий, свойственный чему-либо”, этот корень содержится в слове **имя**, где обозначает внутренние свойства человека или вещи, этот корень, пусть и не участвует в грамматике русского языка, но образует множество глагольной лексики, которая описывает манипуляции человека с другими людьми и вещами: **принять, взять, обнять, перенять, обнять, унять, снять, отнять, разнять, разъять**. Слова **имущество** и **имение** содержат этот же корень. Но в отличие от *хапанья* и *хватанья*, данные слова означают вполне нейтральные с русской точки зрения понятия, не несущие стяжательского, грабительского смысла.

Другие же русские слова, связанные с приобретательством, также не имеют подобного индоевропейского корня: **приобрести** буквально значит *найти*, **получить** — *взять по случаю*, **добыть** и **достать** — *достигнуть существующего*, **овладеть** и **обладать** — *получить власть над вещью*. Так что понятия об обладании в русской и в западноевропейской картине мира — разные, чему свидетельством является язык. И взгляды на жизнь в свете этих понятий — тоже различны.

Главное же различие состоит в том, что у западноевропейца подход к миру — захватнический, а у русского — бытийный, что сказывается практически во всех областях нашей жизни: в обучении, в общении, в любви и браке, в вере и религии и даже во власти.

К примеру, обучение по принципу приобретения подразумевает приобретение знаний, накопление их путём механического запоминания, как собиранье товара, купленного за деньги. Обученные таким образом люди становятся обладателями коллекций чужих мыслей, идей, высказываний, при этом они не склонны думать и творить самостоятельно, вырабатывать собственные идеи. Методика тестирования — это наилучший способ проверки подобных знаний, не случайно она внедряется в нашу образовательную систему именно сегодня вместе с западными принципами обучения.

Обучение по принципу бытия подразумевает использование полученных знаний для выработки собственных представлений и идей. **Учение, наука, навык, обычай** – все это русские слова, обозначающие соединение получаемых знаний с жизнью, с собственным опытом. Творческое задание – сочинение, многовариантное решение задачи, проект, изобретение – формы приобретения и проверки знаний при этом принципе обучения.

Столь же различны в западноевропейской и русской картинах мира подходы к общению и принятию решений. Общение по принципу приобретения представляет собой отстаивание каждой стороной своей точки зрения как собственности, которую не хочется потерять. В таких спорах не рождается истины: с чем спорщики пришли, с тем и уходят, безуспешно пытаясь переубедить друг друга. Политически подобное явление воплощено в европейском понятии **parlament**, буквально означающем *место для речей*. Совместная выработка решений в подобных случаях оказывается трудно достижимой. Именно поэтому в европейской и американской деловых культурах стали популярны методы воздействия на партнёров, разработанные Дейлом Карнеги в книге «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», строящиеся на притворстве, лицемерии, обмане собеседника с тем, чтобы добиться от него нужного решения или согласия.

Общение по принципу бытия, напротив, подразумевает живой интерес, открытость собеседнику в том смысле, что он может быть полезен нам опытом, идеями, информацией. В таких спорах могут быть успешно выработаны коллективные решения, они в русской деловой культуре выражены в слове **совет**, понимаемый как согласное общее речение и одновременно как собрание людей для совместной выработки решения. При этом замечено, что русского человека довольно легко переубедить, заставить отказаться от своего мнения, ибо он не рассматривает его как собственность и способен увлечься жизненно актуальными доводами, приводимыми собеседником. Именно в этом кроются причины пресловутой русской доверчивости и восприимчивости к новым заманчивым, хотя порой и абсурдным идеям.

Подобные же различия находим и во взглядах русских и западноевропейцев на власть. Власть, воспринимаемая властителям как приобретение, удерживается им как богатство и влечёт за собой непрременную узурпацию с применением силы. Такая власть ради власти сопровождается излишествами, которым сопутствует её нарастающая некомпетентность. Именно поэтому западноевропейская цивилизация выработала множество мер, называемых демократическими институтами, ограничивающими пребывание руководителей во власти.

Власть, организованная по принципу бытия, строится на необходимости ответственности руководителя перед подчинёнными, а следовательно, обязывает его быть компетентным в управлении. Это власть, основанная на долге и совести, она не регулируется законами и выборными технологиями, и как раз такая власть представляется в русской политической жизни идеалом.

Даже в Вере западноеuropeец и русский в корне отличаются друг от друга. Вера, строящаяся на принципе обладания, – это получение ответов на вопросы бытия, ответов, которые не нуждаются ни в каких доказательствах. Они сформулированы в виде догматов. И человеку надлежит их усвоить, чтобы освободиться от тяжёлой необходимости самостоятельно мыслить и искать решения трудных жизненных вопросов. Католическая церковь с её жёстким догматизмом, непонятным народу латинским богослужением, отпущением грехов за деньги и жёсткими катехизисами является наглядным примером Веры, основанной на принципе обладания.

А Вера, опирающаяся на бытие, – это живое общение с Богом, сердечная молитва, поиск ответов на мучающие нас вопросы, поиск смысла жизни, проникновение в Св. Писание, словом, то, что называется богообщением и не может быть сковано догматизмом и жёсткими канонами. Именно такова Православная Русская Церковь, где служба изначально была понятна и доступна любому человеку, катехизисы отсутствовали, а отпущение грехов за деньги полагали кощунством.

Даже взгляды на любовь и брак у нас с западноевропейцами не схожи. Любовь, опирающаяся на идею обладания, – это стремление покорить другого, сделать его своим приобретением. На любовь смотрят почти как на лишение свободы. Отсюда проистекают брачные контракты, движение фемини-

сток, выступающих за освобождение женщины, измены и разводы как бегство на свободу и поиск новых предметов обладания.

Любовь, основывающаяся на идее бытия, созвучна именно русским представлениям о жизни, это существование двоих как “единой души и единой плоти”, такая любовь не требует обязательств и брачных договоров, потому что изначально зиждется на идеальной установке: дойти вдвоём, рука об руку, до гробовой доски, жить долго и счастливо и умереть в один день.

Таким образом, основные пласты жизни у европейцев и русских организованы по-разному. Но в русскую картину мира сегодня активно внедряют именно западноевропейские образцы обучения, общения, власти, веры и любви. В образовании нас переводят на поголовное тестирование, а учителей именуют *предоставляющими образовательные услуги*. В общении заставляют жить по законам Карнеги, убеждая в необходимости притворяться, чтобы обхитрить собеседника, не желающего расставаться со своей точкой зрения. Во власти нам навязывают убеждённость, что ответственность и долг властителям не нужны. Их задача — подчиняться законам, которые тем временем власть имущие переделывают под своё безответственное правление. В Вере нас приучают к католическому догматизму, запрещая думать и рассуждать. В любви нам навязывают идею физического и материального обладания с закономерно следующими из неё брачными контрактами и так называемыми “гражданскими браками” как наименьшим ограничением свободы.

Но это всё действует в России довольно плохо, потому что в отечественной культуре и языке существует мощное противоядие — преграда для представлений, основанных на западной по происхождению идее обладания. Вот примеры разных национальных типов поведения в истории. Выдающийся русский лингвист А. А. Шахматов, получив письмо от своих земляков, крестьян Саратовской губернии, о царящем там голоде, отказался от места адъюнкта Российской Академии наук и уехал на родину, чтобы помочь крестьянам преодолеть голод и эпидемию. С другой стороны, великий Гегель, получив приглашение работать в престижном университете, живо откликнулся письмом к ректору: “А сколько кулей полбы я буду получать за свои услуги университету?” И это естественное восприятие мира русским учёным и немецким мыслителем. Оно исходит из языка. В русском мы знаем формулу владения: *у меня есть*. Собственность по-русски не завоевывается и не захватывается — это то, что дано, и точка. А в немецком формула обладания: *Ich habe*, в английском — *I have*. У нас этот корень, напоминая, представлен в слове *хапать*. Завоевательность, напор, стремление получить прибыль любой ценой кроются в корне этого слова, вот почему оно получило у нас весьма пренебрежительный оттенок.

Формула владения — *у меня есть* — в русском языке бытийна. И русская грамматика тоже основана на понятиях бытия, а не обладания. Именно глагол **быть** формирует наше будущее время, сослагательное наклонение. Этот глагол в качестве нулевой связки участвует в русской формуле собственности — вместо *мой сын, мой дом, моя машина* мы чаще говорим — *у меня есть сын, у меня есть дом, у меня есть машина*. Наконец, именно бытийный корень **бы-** содержится в словах, обозначающих обладание и связанные с ним действия: **добыча\добывать, прибыль, прибыток, сбыт\сбывать**.

Само слово **богатство** показывает, что русские воспринимают нажитое имущество как достаток, дарованный Богом, а значит, за своё достояние надо перед Богом и отвечать, с умом и душой им распоряжаться.

Показательно также отношение русских к деньгам — основному средству и символу богатства и накопления. Пословицы и поговорки, концентрирующие такие суждения, выставляют деньги второстепенной частью человеческой жизни: **Деньги не голова: наживное дело; не деньги нас наживали, а мы деньги нажили; деньги — забота, мешок — тягота; и то бывает, что и деньгам не рад**. Богатство в русских представлениях связано со злом и пороком, оно не радует и не спасает душу: **Богатому черти деньги куют; через золото слёзы льются; деньгами души не выкупишь; пусти душу в ад, будешь богат**. Русское убеждение, хранимое пословицей: **Деньги могут много, а правда — всё**, — показывает многовековое критическое отношение нашего народа к наживе. О том, что это отношение остаётся неизменным и по сей день, свидетельствует пренебрежительное именование современных денег различными эвфемизмами: деревянный (рубль), зелень, капуста, бакс, бакинский рубль (доллар). Они наследуют такое же пренебрежительное от-

ношение к деньгам на Руси, когда **копейкой** называлась монета с изображением Георгия Победоносца с копьём, а **рублём** (буквально: *обрубком*) – часть драгоценного металла, отсечённого от слитка-гривны.

Торговля в русском менталитете, в отличие от западноевропейского, – дело не почётное, хотя и необходимое. Корень этого слова **торг-** исконно означает “исторгать”, “вырывать”, “вытягивать”, то есть извлечение прибыли при торговле изначально расценивалось как “вырванное, отторгнутое у кого-то имущество”. **Не обманешь – не продашь** – такова поговорка, выказывающая русское отношение к торговле. И именованья людей, занимающихся торговым промыслом, при всей нейтральности значений рано или поздно в нашем языке приобретают негативный оттенок: **купец, торговец, торгаш, продавец, лавочник, приказчик**. Сегодня негативные оттенки значения стремительно приобретают слова **бизнесмен** и **менеджер**.

Особенно выразительно в русском языке отношение к ростовщичеству, именуемому с древности **лихвой**. **Лихва** – *излишек, прирост капитала, ссудный процент* и **лихо** – *зло, рождаемое излишеством*, – в русском языке слова одного корня.

Но самым мощным барьером приобретательству и накоплению в русской языковой картине мира является активное использование в языке слов со значением “дать, давать, дарить”, противоположным идее накопительства и приобретательства.

Русское **давай** является важным фактором речевого общения. Мы говорим: **давайте пойдём, давайте сделаем, давайте подумаем, давайте решим**. . . В подобных формулировках содержится два важнейших смысла – это призыв к общинности (совместному деланию) и бескорыстию. Кроме того, слово **дать** является сигналом к самостоятельному и решительному действию русского человека, когда он принимает решение что-то сделать в общую пользу, помочь другому: **дай-ка мне; дай-ка я; а ну, дай!** А ещё слово **дать** является знаком чисто русского восхищения своим *выдающимся* собратом: **Ну, ты даёшь! Во даёт! Он как дал!** Помимо этого, слово **дать** оказывается формулой силовой защиты: **Я те дам! Он тебе задал! Поддай ему!** Вообще слово **дать** побуждает русского человека к действию или поступку. Ребёнку говорят: **давай кушай, давай иди, давай учи, давай помоги**. Русских благодаря языку приучают сызмала именно к самоотдаче, поэтому устойчивы выражения: **отдать долг, отдать жизнь, отдать честь**.

Эта языковая установка русского языка резко контрастирует с европейскими языками, где подобный призыв к самоотдаче отсутствует, где поступки людей мотивируются лишь “ожиданием материальных выгод, то есть вознаграждений и поощрений, и призывы к солидарности и самопожертвованию не вызывают у людей никакого отклика” (Эрих Фромм “Иметь или быть”).

Но нам навязывается сегодня именно такая социокультурная модель общества, в которой способами воздействия на людей полагают лишь материальное поощрение и вознаграждение, подкуп и подачки, обещания и посулы. В этой модели прибыль любой ценой, даже в ущерб другим членам общества, получает законные права. Но подобная социокультурная модель, безотказно действующая в Западной Европе и США, где она совпадает с языковыми представлениями народов, входит в глубокое противоречие с русской языковой картиной мира, формирующей совершенно иные представления о жизни и человеческом поведении, нежели западноевропейские языки. В основу идеалов русского народа положена идея справедливости, которая несовместима с захватом чужого и обманом ближнего. Здесь презирают или считают второстепенными наживу и прибыль, а почитают идеалами жертвенность и самоотдачу. Поэтому в России западная социокультурная модель общества, изуродовав души и мозги значительной части населения, всё же рано или поздно потерпит крах, ведь изменить картину мира целого народа можно лишь, заставив этот народ забыть свой родной язык.

Будущее русского народа на карте русского языка

В годину кризисов и надломов народа усиливаются процессы архаизации сознания. То есть начинают работать древние инстинкты племени и законы национальной традиции. Это касается и национального взгляда на время на-

шего бытия. Народы в эпохи кризисов словно погружаются в своё национальное время. Одни углубляются мыслью в прошлое, возрождая древние обычаи и восстанавливая культ предков. Другие успевают взять от жизни всё, ценя только текущий момент. Третьи нацелены в будущее и изо всех сил приближают его приход.

Наше славянское время происходит от глагола *вертеть*, и звучало исконно *vert-men, что значит “вращение”. Так что изначально время понималось нашими предками как череда сменяющихся событий. Это древнее представление находит соответствие в современной модели мироздания: земля вращается вокруг солнца и своей оси, являя череду дня и ночи, смену времён года. Время — пространство в бытии, череда сменяющихся событий — естественным образом в человеческой картине мира разделяется на прошедшее, настоящее и будущее. Такое видение времени осуществляется через систему глагольных времён, существующую во всех языках. В каждом языке категории прошедшего, настоящего и будущего времени имеют специальные формы. Однако, несмотря на общее сходство этих представлений, время у разных народов мира осмысливается по-своему. И каждый народ выбирает, чем он дорожит больше — настоящим, прошедшим или будущим. У каждого народа свои предпочтения времён, которые усиливаются в эпохи кризисов, войн и катастроф.

Кочевники-тувинцы, к примеру, представляют время как путь, по которому они двигаются всю свою жизнь. Но, стоя на этом пути, тувинцы лицом обращены в прошлое, к предкам, там сосредоточены все их надежды, в опыте прародителей ищут они опору, помнят свой род до седьмого колена и могут назвать его поимённо. И так мыслят время не одни тувинцы. Точно так же чеченцы, чтобы доказать свою принадлежность к тейпу-роду, обязаны помнить двенадцать имён своих предков по мужской линии. Для якутов посредниками между предками и ныне живущими членами рода являются шаманы, они верят в возможность общения с предками до девятого колена. Всё, что кочевник хочет получить от жизни, он вымаливает у предков своего рода, обращаясь в прошлое. Согретье покровительством праотцов, кочевники повернуты к будущему спиной, будто едут на лошади по бездорожью, сидя верхом, но задом наперёд. Будущее они не выбирают как цель, оно надвигается на них сзади, наступает на человека из-за его плеч, будущее непредсказуемо, а потому опасно, оно несёт в себе неожиданные угрозы роду-племени. Именно потому у якутов есть особый дух-хозяин дороги, которому молятся о благополучном кочевье, задабривают его на распустьях, на горных перевалах и водоразделах. Подобный взгляд на время нам, русским, кажется парадоксальным, но он подтверждается, к примеру, многовековым укладом тувинцев, чеченцев, якутов и свидетельством исследователей их национальных кочевых культур.

Прошедшее время в языках этих народов многогранно представлено грамматическими формами. Так, в чеченском языке насчитывают пять прошедших времён: недавно прошедшее, очевидно прошедшее, прошедшее совершенное, давно прошедшее, прошедшее многократное. А будущее у чеченцев существует в двух формах — будущее фактическое и будущее возможное. Настоящее время также представлено двумя формами. Народы, душой погружённые в прошлое, более всего внимательны к языковым формам прошедшего времени.

Совсем иной взгляд на время у англичан. На своём жизненном пути они, в отличие от тувинцев, обращены лицом в будущее, а прошлое оставляют за спиной, за плечами. Родовая память прошлого для англичан не существенна, разве что почитается в аристократической семье предок, прославивший своё имя в истории Англии. Зато будущее представляет для англичан предмет вождений, будущего желают, к грядущему стремятся. Стремление “проглотить будущее” выражено в английском вспомогательном глаголе будущего времени *will*, что значит *желать, хотеть*. Буквальное значение английского будущего времени — *я хочу, я желаю сделать*. Однако не этот грамматический факт является главной особенностью английского представления о времени. Англичане больше всего ценят среди временных категорий время настоящее. Широко известно их выражение *right now* — *прямо сейчас*, навязанное ныне и русскому языку. Жизнь здесь и сейчас, *прямо сейчас* — вот в чём смысл существования англоязычного джентльмена. В английском языке присутствует целых три грамматических формы настоящего времени: настоящее совершен-

ное (переводимое на русский язык только прошедшим временем), настоящее продолженное (которое растягивает временной миг в длительность), и настоящее независимое. Всё бытие англичан, да и других западноевропейцев, имеющих сходные системы настоящего времени, сосредоточено на сегодняшнем дне, на текущем моменте. И потому удобства, комфорт, порядок, помогающие улучшать и украшать сиюминутную жизнь, занимают так много места в их деятельности. Пресловутый английский консерватизм – стремление ничего не менять в настоящем укладе – тоже произрастает из удовлетворенности настоящим моментом жизни. Так что если кочевник-тувинец более всего ценит на жизненном пути прошлое, то англичанин дорожит именно настоящим и ради стабильности настоящего стремится, желает положить к своим ногам, покорить и оседлать будущее.

Настоящим и только им живут китайцы: в китайском языке у глагола вообще нет форм времени. Чтобы выразить действие в настоящем, прошедшем или будущем, китайцу достаточно слов вчера, сегодня, завтра. Китайские глаголы существуют в одной-единственной форме: *Вчера я ел цыпленка; сегодня я ел цыпленка; завтра я ел цыпленка*. А значит, время представляется китайцам вечно длящимся настоящим. Именно текущий момент китайцы ценят выше всего и умеют им наслаждаться.

Сравним представления о времени чужих народов с русским взглядом на бытие. Он оказывается своеобразным, особенным. В грамматическом русском настоящем-будущем времени грань между настоящим и будущим почти неуловима, ведь тонкости совершенного и несовершенного вида понятны только природным русакам.

Русский язык словно не замечает настоящего, он использует для обозначения настоящего времени одну-единственную форму, которая, впрочем, готова выражать и прошедшее (*иду я и вижу*), и будущее (*поживем – увидим*), и даже повелительное наклонение (*пойдём!*). Связка настоящего времени от глагола **быть**, обязательная для всех славянских языков, у нас вообще канула в небытие, грамматики скромно называют её “нулевой”. Прошедшее время в русском языке, в отличие от других, даже близкородственных нам языков, выражено одной-единственной формой: **пришёл, увидел, победил**. Мы, русские, пренебрегаем в языке и в жизни тонкостями и деталями грамматики прошедшего времени, которые существенны для других народов. И лишь будущее время у нас существует в двух формах – одна, неуловимо скользкая из настоящего (*пойдут, вспомнят*), а другая – с волевым и уверенным вспомогательным глаголом **будет**. Русская обращённость лицом к будущему и пренебрежение настоящим грамматически очевидны.

Каков же наш национальный образ времени? Русское время воплощено в образе воды, недаром о настоящем мы говорим, что **“время течёт быстро”**, а о прошлом – **“много с тех пор воды утекло”**, **“было, да сплыло”**, **“что прошло – в воду ушло”**. По реке времени русские мыслят себя плывущими по течению – вперёд, в будущее, подгоняемые им, увлекаемые его неумолимой силой. На нашем русском жизненном пути прошлое, как и у англичан, остаётся позади, за спиной. И нам понятно выражение “у него **за плечами** долгая жизнь, большой опыт”.

Русский архетип прошлого отличен от других народов. Да, к прошлому русские относятся уважительно. **Как отцы и деды наши, так и мы; не нами установлено, не нами переставится**. Но наша родовая память измеряется лишь тремя поколениями предков, что отразилось в русских именах: они в России состоят из трёх частей – собственного имени, отчества – имени отца, и фамилии – исконно имени деда или его прозвища.

Однако уважение к прошлому прочно соединяется у нас с мыслью о том, что его не вернуть: **Было да быльём поросло; прошлого не воротить, вчера не догонишь; что с вазу упало, то пропало**. О невозможности вернуть ушедшее напомунают насмешливые поговорки: **Были кости, да легли на погосте; был пан, да пропал; был мужичок да помер; была кляча да изъездилась**. В прошлом мы оставляем не только события, людей, вещи, легко с ними расставаясь, особо не печалься о потерях. Заповедано же русским обычаем, выходя в путь, не возвращаться вспять, не то удачи не видать.

Примечательно, что русские оставляют в прошлом и память о причинённом им зле, тем самым освобождаясь от греха и тяготы злопамятства. Мы привычно повторяем зарок: **Кто старое помянет, тому глаз вон**. Мы с го-

товностью выставляем упрёк: **Что прошло – помянуть на что?** Нам по сердцу призыв: **Не поминай лихом!** Так что с прошлым, оставленным за плечами, русские не сентиментальничают, покидают в нём злобу, погребают отживших своё стариков, не дорожат и имуществом, пуская его даже в пожар и разруху. И когда наступает нужда покинуть близких, рискнуть самой жизнью ради высокой цели, сверкнувшей призывной звездой на жизненном пути, русский человек безоглядно молвит: **Эх, была, не была!** И, убедив себя этим крылатым словом, что всё прошлое словно и не бывало, жертвенно кидается в неведомую или заведомую опасность. А бывает, является необходимость бросить нажитое, отказаться от наработанного и накопленного, и тогда русский способен сказать: **Пропади всё пропадом! Гори всё огнём!** – ради высокой мечты или светлой надежды.

Именно наш исконный архетип прошлого породил особые черты русского характера: с одной стороны, нестяжательность, незлобивость, умение забывать обиды, а с другой – национальное беспамятство и пренебрежение наследием предков.

Столь же своеобразен и русский взгляд на время настоящее. Рассматривая факты нашей истории и быта, поражаешься тому, что в них словно и места нет настоящему, ровно по премудрости, услышанной Владимиром Далем в русской деревне: **Время за нами, время перед нами, а при нас его нет.** И правда, вспомним свой опыт жизни и обнаружим, что не чтим, не любим текущей действительности, а всё ждём-пождём того, что будет вскорости. Взять, к примеру, воспитание детей в русской семье. Жизнь ребёнка от рождения – сплошные ожидания матери: сначала – когда ходить начнёт да заговорит, потом – когда в школу пойдёт, затем ожидание взросления, армии, завершения учёбы в институте. Все радости возрастания ребенка растворяются в напряжённом ожидании, и будущее дитятка для матери всегда важнее настоящего.

Точно такая же установка на ожидание видна и в русских праздниках. К ним долго готовятся, припасают угощение, стряпают, жарят-парят, закупают подарки и гостинцы. А придёт праздник, сверкнёт быстрой молнией – не заметим его, ибо уже хлопочем о том, что будет завтра, и готовимся к новым семейным событиям, по русскому присловью: **У завтра нет конца.** Точно так же тягостна русским работа. Не труд, понимаемый как необходимое, полезное и полное испытаний преодоление тягот, не дело, которое русские мыслят непременно *делом жизни*, а именно работа – выматывающая, бесконечная, рабски бессмысленная, бесцельная. Почему и бытуют у трудолюбивого и дельного русского народа поговорки о том, что **дураков работа любит**, и что **работа не волк, в лес не убежит.**

И в праздниках, и в воспитании детей, и в работе мы непременно торопим настоящее, с неприязнью к нему повторяем: **Ждать и догонять – хуже нет.** И вправду, нам бы поскорее достичь будущего, того самого *утра*, что **мудренее вечера**, и эта наша черта, что становится поперёк насущной радости, спасительна для русских как раз тем, что позволяет ютиться в стесненных клетушках квартир, не тяготиться “удобствами во дворе”, а главное – с надеждой переносить тяготы войн и лишений, словом, терпеть настоящее в надежде на лучшее будущее. Мы стремимся к будущему, как в русской прибаутке: **Долго ль до вечера? – кричала квакушка. Далеко ль до зореньки? – тосковал соловушка.**

Возможно, в таком пренебрежении настоящим коренится одна из причин великого русского долготерпения: **перемелется – всё мука будет** – присловье как раз о настоящем, что так трудно и мучительно достаётся русскому народу на протяжении многих столетий. Но мы знаем, что **всё до поры, до времени**, и тяготы проходят и преодолеваются: **и горе не море – выпьешь до дна.**

Поскольку в нашем отношении к настоящему есть доля пренебрежения им, нам, русским, свойственны качества, удивляющие другие народы, – это бесконечное русское терпение, немислимая неприхотливость в быту и, к сожалению, разгильдяйство и беспорядочность, которые у русских преодолеваются только строгим воспитанием.

Повторю ещё раз: на дороге жизни мы всегда были обращены лицом в будущее и ради него готовы жертвовать прошедшим и настоящим: **Дней много, а все впереди.** Будущее для нас много дороже и важнее прошлого

и настоящего — вот о чём сложена поговорка: **Утро вечера мудренее, трава соломы зеленее.**

В нашем русском времени даже сутки не измеряются астрономическими часами, как у англичан, где жизнь течёт до полудня, а затем до полночи. В английских сутках и минуты дробятся — до и после назначенного часа, строго сверяясь с циферблатом часов. Русский час иной. В нём та же неудержимая погоня за будущим. Ведь что такое *половина пятого*? Это загляд в дневной пятый час, который ещё не наступил. А без четверти семь — это когда мы уже обживаем час седьмой, также ещё его не достигнув. Наши сутки тоже особенные, с русским пренебрежением к точному времени. Так, утро у англичан — это время до полудня. А у нас утро настанёт только в момент пробуждения, хотя бы это был и полдень, и длится лишь до начала работы. Когда же мы приступаем к работе, вот тогда по-русски и начинается день. Но тянется он хоть до утра, если работа заставляет и ночью бодрствовать. И вечер для русских — это не время до полуночи, как у англичан, а срок, отведённый на отдых после работы вплоть до сна. Так что русский день не измеряется часами, а русский час не дробится на минуты. Не зря говорят, что **русский час долог**, и в нашем наречии **сейчас** заключено исполнение обещанного именно в будущем.

Но что замечательно в русском взгляде в будущее: мы надеемся на лучшее, но оно зависит не от нас, а от Бога. Потому и говорим мы, что **день на день не придёт**, потому и не любим загадывать и мечтать, а осторожноенько так приговариваем: **будь что будет**, и ещё суеверно прибавляем, **где загад не бывает богат, даст Бог, доживём — так увидим; не угадаешь, где найдёшь, где потеряешь.**

Итак, наше русское будущее непредсказуемо, а значит, к неожиданностям и невзгодам надо всегда быть готовым. Создание запасов — отличительная черта русских, думающих о будущем. Над этим смеются, к примеру, тувинцы, которые никогда не создают запасов, зато у них, по свидетельству этнографов, существует обычай воровства, если требуется необходимое. Земледельцы и кочевники тем и различаются — одни запасаются, готовясь к невзгодам будущего, и для земледельца иного пути выжить нет: где взять еду завтра, как не у себя самого, ведь воровство для земледельческих народов — преступление. А другие народы — исконные кочевники — в силу особенностей своего языка и культуры не думают о будущем, и по мере оскудения живут чужими запасами, для них набеги — национальная доблесть.

Чисто русские присловья: **Поживем — увидим! Посмотрим, а вперёд загадывать нечего** — составляют суть нашего отношения к грядущему в готовности к любым невзгодам и трудностям. Такой готовности, что легко себя утешаем в беде: **нет худа без добра**. Мы предупреждаем самодовольство ближних, у которых “жизнь удалась”: **от сумы да от тюрьмы не зарекайся**. Мы твёрдо знаем, что **любая палка о двух концах: либо ты меня, либо я тебя**, и бабушка у нас, ворожа о будущем, говорит всегда **надвое**: то ли будет, то ли нет. И всё же, хоть завтрашнему дню верить возбраняется, именно он является главным устремлением русского человека, легко расстающегося с прошлым и пренебрегающего настоящим.

Замечательно в русской картине времени и то, что будущее мечтается нам непременно светлым. Причём модель светлого будущего строится в сопоставлении с прошлым и настоящим. Тяготы и беды насущного дня в русском представлении столь многочисленны, что у нас вошло в привычку хулить сегодняшний день, сравнивая его с прошедшим веком: **Деды наши живали — мёд, пиво пивали, а внуки живут — и хлеба не жуют; прежде жили — не тужили, теперь живём — не плачем, так ревём; деды не знали беды, да внуки набрались муки**. Убеждение, что прежде мир был лучше, высказывается не только в ворчании стариков, но и картина мира молодого поколения хранит спасительную для нации установку. Именно поэтому в русском языке существует формула идеальной модели будущего, в основе которого заложено наследие предков: **Было бы начало, будет и конец; была бы нитка, дойдём и до клубка; были ли бы бобры, а ловцы будут; был бы лес, а топор сыщем; был бы бык, а мясо будет; был бы мешок, а деньги будут**. Будущее в подобной русской формуле непременно венчается успехом. Но для успешности действия русскому человеку естественно преодолеть препятствия и побивать врагов, без чего невозможна победа, в том числе и над самим собой — своей трусостью, ленью, нерасторопностью, над бес-

смысленностью собственной жизни. Вот откуда рождаются парадоксальные русские надежды на препятствия, ведущие нас к самоутверждению: **Была бы собака, а палка найдём; была бы шея, а хомут найдётся; был бы крик, а верёвку сыщем.**

Цепляясь, как за якорь, за трудности и беды, русский человек упорно закликает свою неперемнную победу над ними: **Была бы собака, а палка будет.** Само слово **будет** в отличие от английского *will* – хочу, выражающего настойчивое желание, хотение, в отличие от чеченского будущего возможного, которое не обязательно сбывается, русское будущее отражает неизбежность наступления того, чего мы обязательно достигнем. Мы говорим **будет**, и знаем, что по этому слову, отражающему непреложность грядущего, достигнем цели. **Что-нибудь да будет. Так не будет, а как-нибудь да будет.** Но это **будет** возникает у нас в решительные минуты жизни. Так, когда немцы вторглись на нашу землю, прозвучало убеждённое: “Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами!” Словно печатью запечатлелось это **будет!** в каждой русской голове, и мы добились победы. Не желанием, не хотением прозвучало слово **“будет!”**, а ничем неодолимой русской волей: Победа будет! И точка. А само слово **победа** значит “то, что приходит после беды”, победа – преодоление беды. Стало быть, без беды и победа по-русски не возможна. Вот она – реализация заклинательной формулы **“была бы собака, а палку найдём”**.

Так что привычка терпеть, бороться, преодолевая беды, и надеяться на лучшее есть плод русской отрешённости от прошлого, которым мы не дорожим, пренебрежения настоящим, которого для нас как бы и нет, и всецелой устремлённости в светлое будущее. Причём если мы не дорожим настоящим, то и с жизнью расстаёмся легче других, надеясь на будущую вечную жизнь. Христианство в этом смысле нашло в русском народе благодатную почву, ведь **жизнь будущего века** для многих русских – реальность большая, чем быстротекущее бытие. Утешаем же мы себя в тяготах: **на том свете отдохнём.**

А в жизни нынешнего века русские во всём ожидают своей поры. Удивительное это слово **пора** – удобный к делу, самый что ни на есть урочный час. В этом слове заключено своеобразное понимание времени по-русски, в котором всякому делу – своя пора. **То было время, а ныне пора.** Слово **пора** однокоренное понятиям **переть, вперёд**, и потому исконно означает тот самый момент, когда надлежит действовать, двигаться, идти вперёд, чтобы достичь успеха. **Пора** – это когда дело будет спориться, если к нему у приложить упорство и напор. Пора – такое русское время, которое надо учуять и узнать, когда зверя или врага бить: **пора что железо – куй, покуда кипит.** Даже неправда на Руси стоит только до поры, а придёт пора, ударит час – и, не загадывая, не сомневаясь и не медля, вступает русский человек в дело, в схватку, в бой в самую пору.

В эту самую пору все средства, даже самые отчаянные, для русского дела хороши. Даже тактика выжженной земли, по русскому призыву: **Гори всё огнём! Пропадай всё пропадом!** – по сердцу нашему характеру, что не считается ни с нажитым в прошлом добром, ни с удобствами существования в настоящем. Тактика выжженной земли – последнее русское средство обороны, которым наш народ овладел издревле и успешно применял его вплоть до Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Ничего нам не жаль на последнем рубеже обороны – ни своего добра, ни своих домов, ни своих сёл и городов, погибают в огне даже храмы, сами люди готовы гореть вместе с неприятелем. **Эх, была – не была! Пропадай всё, была бы жива Россия.** Может быть, именно потому мы и прослыли в мире самым непобедимым на земле народом, что готовы были жертвовать всем былым имуществом своим, не дорожа, в конечном счёте, и самой жизнью, в смертельной схватке с захватчиками.

В 1941 году русский город Смоленск оборонялся от немцев с 10 июля по 5 августа. Русский город стоял насмерть почти месяц. И он такой был не один. А за год до этого перед Германией капитулировала Франция. Целая страна, великая держава, с огромными ресурсами и хорошо вооружённой армией сопротивлялась оккупантам всего лишь с 10 мая по 17 июня, чуть больше месяца. И отдала захватчикам всё нетронутым и нерушимым: и шахты, и заводы, и целёхонкие города. Французов погибло за эту коротенькую войну всего 84 тысячи человек, и 45 тысяч немцев. А у нас под Смоленском в такие же сроки была совершенно иная картина. Дорогой была цена Смоленско-

го сражения. Безвозвратные потери составили со стороны советских войск 486 171 человек. А раненых — 273 803 человека. Огромны были и потери немецких войск. По признанию самих немцев, к концу августа моторизованные и танковые дивизии лишились половины личного состава, а общие потери врага составляли около полумиллиона человек. Эти цифры говорят сами за себя: наши войска сражались с немецкими до конца — любого: победного или смертного, но до конца, оставляя за собой не целёхонькие заводы, фабрики, склады продовольствия и оружия, а выжженную землю, взорванные мосты и железные дороги, пепелища городов.

Давайте же задумаемся об этом сегодня, когда многим так хочется думать, что можно сдать на милость оккупантам, как те же французы, приветствовать их и служить им, и всё ради того, чтобы благоденствовать сейчас, увлекаясь и наслаждаясь сегодняшними благами цивилизации. Но так ли поступали наши прапрадеды и деды в великих русских оборонительных войнах, где они сражались до конца — по победного или смертного конца, не оставляя врагу ни трофея, ни добычи, ни крова, ни пищи, устремляясь всем существом своим в будущее, забыв совершенно о прошлом и настоящем. Наши предки сами теряли и лишались всего, но терпели и надеялись — тактика выжженной земли, последняя линия обороны русского народа нас никогда не подводила.

Итак, наше русское время — особое, время, в котором практически нет текущего настоящего, зато есть пора — тот урочный час, когда всё спорится и кипит. В нашем русском бытии по прошлому мы не тоскуем и им не дорожим, хотя оно и лучше нынешнего, и о будущем не загадываем, ибо боимся прогадать, ведь мы только предполагаем, а располагает Бог. Но мы всегда ждём и рассчитываем на грядущее, ведь **если во времени подождать — у Бога есть что подать**. Наше русское **будет!** пересиливает все мимотекущие невзгоды, оно велит стремиться к тому, о чём предначертано: **будет!** Наши национальные преимущества — терпение и воля — воспитаны русским временем, а решительность вскормлена **бедой**, после которой неизбежна **победа**.

Вдумайтесь, почему мы, русские, стали творцами великой империи, почему мы — государствообразующий народ? В том числе и потому, что мы обладаем такой моделью времени, которая позволяет народу строить великое государство. Мы не держим зла на другие народы, даже если нам пришлось с ними долго воевать, и легко принимаем их в пределы своей страны. Мы не держимся за нажитые богатства и щедро делимся ими с соседями. Потому что мы легко расстаемся с прошлым. Мы терпеливы и неприхотливы в настоящем, потому легко переносим бедствия и невзгоды и берём на себя всё самое тяжкое в строительстве государства, как его становой хребет. Мы любим наше будущее и видим его непременно светлым, свободным от бед и несчастий, и стремимся, чтобы всем народам было рядом с нами хорошо. Народ такого психологического склада с нашей моделью времени способен построить империю. И мы её построили!

Но почему сегодня в русском народе такое разочарование и апатия, почему мы не хотим жить, не боремся за своё будущее? Да потому что светлого будущего у нашего народа нет... У детей нет будущего, нет любимой мечты, которую можно приближать, к которой надо стремиться. А мы не можем жить без будущего. Ведь призыв к обогащению, обращённый к людям среднего возраста, надежда на сытую старость, внушаемая пожилым людям, идея уехать с родной земли и там устроить свою жизнь, которую навязывают молодёжи, — вот всё, что нам предлагают в качестве светлого будущего. А остальных, кто не хочет принимать этих скотских, с русской точки зрения, идей, ждут нищета, беспросветность, безысходность...

Но не падайте духом. Это всё до поры. Наш русский архетип светлого будущего рано или поздно зарядит нацию новой спасительной энергией. И эта взрывная, волевая энергия непременно вырвется наружу. Когда придёт пора, победа будет за нами!